

МИХАИЛ ДЕЛЯГИН

директор Института проблем глобализации, д. э. н.

НЕПУБЛИЧНЫЙ АСПЕКТ КРИЗИСА ДЕМОКРАТИИ*

Светлой памяти А. В. Сурикова

Объективные закономерности технологического и социально-экономического развития **реализуются во многом непубличными и неформальными взаимодействиями**. Это естественно: в силу самой своей природы они надежнее публичных и формально зарегулированных взаимодействий защищены от внешнего, “постороннего” влияния и уже хотя бы только поэтому являются более эффективными.

Масштабы влияния на реализацию этих объективных закономерностей со стороны неформальных взаимодействий, в том числе теневых транснациональных структур, достаточно велики. Скажем, в конце 20-х годов XX века массовое распространение конвейерного производства и мировая экономическая депрессия (вызванная неспособностью тогдашних управляющих систем справиться с монополизмом, новый уровень которого также был вызван распространением конвейера) предопределили общую потребность национальных управляющих систем в авторитарном социализме. Конкретные формы реализации этой потребности определялись особенностями национальной культуры и текущего экономического положения. В то же время понять причины формирования конкретных отношений, например, режимов Сталина, Гитлера или, скажем, Рузвельта, без учета неформального взаимодействия теневых транснациональных структур попросту нельзя.

Конспирология как попытка всеобъемлющим образом объяснить историю теневыми процессами есть медицинское свидетельство интеллектуальной импотенции. Однако та же самая конспирология является необходимым элементом изучения причин воплощения объективных общественных закономерностей именно в тех или иных конкретных формах (и, соответственно, стратегического прогнозирования). Без нее нельзя объяснить, в частности, приход к власти таких значимых для мирового развития фигур, как Гитлер, Мао Цзедун, Кеннеди, Ельцин.

Таким образом, в ее отношении в полной мере применимо высказывание, обращенное к предметам ее изучения: “Тень, знай свое место!”

* Данная статья представляет собой фрагмент из книги: Делягин М. “Выживет ли Россия в нерусской смуте? Кризис человечества”, недавно вышедшей в издательстве АСТ. Публикуется с любезного разрешения автора.

Дилемма глобальных финансовых структур

История знакомит нас с огромным разнообразием теневых транснациональных управляющих систем. Однако, поскольку **“в тени” действуют те же объективные исторические закономерности, что и “на свету”**, характер этих систем был и остается, в общем, отражением закономерностей, проявляющихся в деятельности публичных и формализованных управляющих структур (которые, собственно, и являются предметом изучения официальной истории).

Первоначально, в дорыночную эпоху, когда ключевые официальные управляющие структуры человечества носили религиозный характер, теневые управляющие структуры также были преимущественно религиозными (хотя свое место занимали и хозяйственные, и чисто преступные).

Однако по мере развития рыночных отношений в теневых взаимодействиях, как и в публичных, на первый план выдвигались хозяйственные, а точнее – торгово-финансовые структуры (как наиболее гибкие и наименее уязвимые). Исследователи конкретных исторических обстоятельств весьма часто признают существование Финансового (он же “Черный”, он же “Капиталистический”) интернационала, в том числе в противовес и в дополнение Коммунистическому, но по понятным причинам (как из-за его чрезмерной влияния, так и в силу вульгарного недостатка информации) стесняются его исследовать. Так, например, в лучшем исследовании феномена Гитлера¹ говорится о “Золотом” и о “Красном” Интернационалах как об одинаково реальных и бесспорных явлениях.

Ожесточенная свободная конкуренция на макрорынках вела к формированию монополии: в Европе это была семья Ротшильдов, в США – Рокфеллеры. Именно эти два клана (а со второй половины 90-х годов XX века – еще и китайские теневые сообщества) являются высшим воплощением глобальных сетевых управляющих структур². Именно они стали основой глобального правящего класса “новых кочевников”.

В эпоху, наступившую с началом Великой депрессии, когда главными субъектами исторического развития человечества (на период до краха Советского Союза) стали государства, они отвоевали значимую роль для своих собственных теневых структур – спецслужб и контролируемых ими корпораций. Однако с завершением этой эпохи “государственные” теневые структуры частью рассыпались, частью обособились от своих прежних хозяев, попав в “силовое поле” влияния основных глобальных теневых структур и вполне подчинившись ему.

Весьма существенно, что **теневые взаимодействия** (да еще и трансграничные) **по самой своей природе не регулируются формальным правом**. Поэтому трансграничные теневые структуры, испытанные временем, с одной стороны, носят семейный характер (ибо отсутствие писаного закона требует компенсации исключительно высоким уровнем доверия), а с другой стороны – в наиболее значимых для себя аспектах действуют принципиально без учета законодательства. Это не только роднит их с организованными преступными группировками, но и, более того, почти предопределяет тесное сотрудничество с ними.

Формой существования описанных финансовых трансграничных теневых структур на всем протяжении их истории было взламывание заскорузлых административных и политических границ, препятствующих свободному развитию хозяйственной деятельности (в первую очередь их собственной). Таким образом, извлекая в силу своего трансграничного характера максимальную прибыль именно из наличия указанных границ, эти структуры на протяжении всей своей истории последовательно шли к подрыву основы своего собственного существования.

По сути на всем протяжении своей истории они представляли собой инструменты интеграции человечества – столь же объективные, что и рыночные отношения, чьим проявлением в теневой сфере они являются.

¹ Фест Иоахим. Гитлер. Биография. В 2-х томах. М., “Вече”, 2007.

² Они отнюдь не “ушли в прошлое”, как кажется некоторым равно поверхностным и наивным марксистам и либералам. Достаточно вспомнить, что жесткость соперничества во второй половине 90-х и начале 2000-х годов групп Березовского и Гусинского была вызвана не только естественными межэлитарными противоречиями, но и тем, что, насколько можно судить, они представляли в России интересы различных глобальных кланов: одна – Рокфеллера, другая – Ротшильдов.

Вся история человечества в XX веке заключается в **непримиримой** в силу самой его природы **борьбе Финансового интернационала за интеграцию**, за преодоление и необратимое устранение всех экономических границ. Сначала эта борьба “на уничтожение” велась против колониальных империй (в парадоксальном союзе с разрозненными группами революционеров, а затем и с Коммунистическим Интернационалом, и со сталинским СССР), а после их краха — с обособленными от единого мирового рынка национальными государствами (в первую очередь с Советским Союзом).

Крах последнего, ставший непосредственным началом глобализации, знаменовал собой их окончательную победу — и, соответственно, выполнение, то есть исчерпание ими своей исторической миссии.

Мировая экономическая депрессия, глобальный кризис перепроизводства, вызванный загниванием глобальных монополий, представляет собой просто другое выражение исчерпанности этой исторической миссии. **Эта исчерпанность превращает их в по-настоящему реакционную, то есть противодействующую** прогрессу как **развитию, направленную на консервацию прошлого общественно-историческую силу**. Именно они являются непосредственными выразителями стремления к блокированию технологического прогресса и разделению человечества на расы глобализированных “господ”, непосредственно обслуживающего их персонала разной степени квалифицированности и излишней и потому деградированной “биомассы”, вымирающей в надежно изолированных от “чистого” мира резервациях.

Правда, полный консенсус в этом вопросе, даже в самих глобальных управляющих кланах, все еще, насколько можно судить, не достигнут, так как привычная человеческая мораль в целом еще жива даже среди их руководителей и интеллектуальных лидеров, однако давление объективной потребности исключительно велико.

Причина этой потребности заключается в сверхпроизводительности информационных технологий¹, которая делает избыточным существование значительной части человечества, в первую очередь **“среднего класса” развитых стран**. С точки зрения извлечения прибыли эти люди просто **перестают быть производящим ресурсом и становятся чистыми издержками**; соответственно, их потребление также становится **для глобальных корпораций чистыми издержками, подлежащими неукоснительному сокращению**, — особенно в условиях кризисов.

Это создает огромные экономические проблемы, связанные с потенциально существенным сжатием совокупного спроса (так как “лишние” люди постепенно сокращают свое потребление), которые, тем не менее, второстепенны по сравнению с социальными.

Квинтэссенция социальных проблем заключается в том, что существование не просто значительной, но основной части человечества становится нерентабельным.

В настоящее время видится лишь два принципиальных выхода из этой ситуации.

Если целью существования человечества остается получение прибыли (то есть оно продолжает существовать в рамках рыночной парадигмы и доминанты поведения), **главная задача, которая объективно стоит перед ним, заключается в физическом истреблении собственной нерентабельной части.**

Побочными, вспомогательными задачами является поддержание если не довольства, то хотя бы покорности уничтожаемых, а также (что не менее важно) видимости гуманизма этого процесса, чтобы непосредственно осуществляющие его менеджеры не чувствовали себя людоедами. Насколько можно судить, способом решения второй задачи как раз и является “экспорт демократии”, позволяющий возлагать на сами уничтожаемые общества ответственность (в том числе и в их собственных глазах) за все, что творят с ними глобальные корпорации и управляющие системы.

В настоящее время, насколько можно судить, никто в управляющих системах развитых стран (и тем более в глобальных управляющих системах) не намерен отказываться от наживы как смысла существования (как человечества, так и своего собственного) — и, соответственно, стихийно решается именно эта проблема.

* Разумеется, исключительно по сравнению с привычными нам индустриальными технологиями.

В разных регионах Земли в зависимости от культурных доминант сложившихся там обществ сформировались три базовые модели ее решения.

Население Африки (по этому же пути движется “Большой Ближний Восток”) **удерживается в нищете, социальном хаосе и истребляется болезнями** (начиная со СПИДа): **это путь “биологической утилизации”**¹. Его суть заключается в снижении уровня индивидуального потребления до незначительного для глобальных корпораций уровня, во многом компенсируемого за счет нелегальной коммерческой деятельности (нерегулируемых торговли оружием² и добычи природных ресурсов, наркоторговли, а также использования бандитов — например, сомалийских пиратов и нигерийских повстанцев — для корректировок глобальных процессов при помощи кризисов).

Второй путь решения описанной выше задачи — **социальная утилизация: бывший “средний класс” превращается в “людей трущоб”, поведение которых описывается уже не столько социальными, сколько биологическими закономерностями**. Это реалии Латинской Америки и, в меньшей степени, Восточной Европы, включая Россию и другие страны СНГ.

В обоих случаях потребление утилизируемого населения сводится на столь низкий уровень, что глобальные монополии не ощущают это потребление как значимый убыток или упущенную прибыль. В то же время слабость инфраструктуры (в том числе социальной) делает положение населения соответствующих регионов крайне уязвимым, и его резкое сокращение может пройти незамеченным общественностью развитого мира³.

Наиболее остро задача утилизации внезапно ставшего убыточным “среднего класса” стоит в развитых странах, где эта категория населения наиболее многочисленна и обеспечена, а значит, ставшие неоправданными для глобальных монополий расходы на него являются максимальными.

Развитая часть Европы, как обычно, **решает вставшую перед ней историческую задачу наиболее комфортным способом; в данном случае это развитие наркомании**.

Первым значимым шагом на этом пути, насколько можно судить, стало иступленная поддержка европейскими государствами (а отнюдь не только одними США) независимости Косово⁴, что де-факто означало придание государственного статуса наркоторговцам (да и в целом наиболее жестокой в Европе этнической организованной преступности).

Практически одновременное вхождение Швейцарии в Шенгенскую зону и всенародно одобренное там с 1 января 2009 года разрешение врачам выписывать героин уже через 5–7 лет неминуемо превратят ее в крупнейший наркотический центр. Это ни в коем случае не умаляет заслуженно ставшую легендарной честность швейцарских врачей: человеческие силы ограничены, и эти врачи в целом, как профессиональное сообщество, не имеют возможности сохранить эту честность, будучи поставленными под удар всей европейской наркомафии (да еще такой жестокой, как косоварская).

Наконец, третьим шагом на пути истребления европейского “среднего класса” при помощи его форсированной наркотизации представляется масштабная, проводимая Всемирной организацией здравоохранения и многими национальными правительствами кампания по распространению метадона (синтетического заменителя героина, потребляемого без риска заразиться СПИДом или гепатитом С и D). Эта кампания, по сути дела, означает физическое уничтожение наркоманов: если с героина при помощи интенсивной (и дорогостоящей) терапии можно “вернуть” примерно 30% его потребителей, то метадонный наркоман в принципе не имеет никаких шансов на излечение.

¹ Автору приходилось сталкиваться с откровенным выражением вроде бы приличными западными аналитиками неприкрытой радости по поводу эпидемии СПИДа в Африке, без которой последняя “превратилась бы в такую же демографическую бомбу, что и Ближний Восток”.

² Разумеется, сами глобальные корпорации не торгуют оружием на “черном рынке”. Но нелегальные торговцы продают именно произведенное ими оружие, обеспечивая тем самым дополнительный спрос на него и дополнительные прибыли им.

³ Как прошел незамеченным ею геноцид в Кампучии в 1975–1979 годах (в ходе которого полпотовцы истребили 30% ее населения), а в более поздние времена — геноцид в “африканской Швейцарии” Руанде, гражданская война в Таджикистане и “этническая чистка” русского населения в Чечне.

⁴ Разумеется, непосредственные, да и наиболее значимые причины этой поддержки были другими; данная причина носит по сравнению с ними второстепенный характер.

Таким образом, глобальная экономическая депрессия, ускоряя обеднение американского и европейского “среднего класса” (при том, что в США этот процесс идет значительно дольше и быстрее, чем в Европе), создает предпосылки для ускоренной утилизации нерентабельной части населения Земли. Принципиально важно, что утилизация эта будет происходить в первую очередь не столько в и без того уже нищих, сколько в первую очередь в развитых странах. Причина проста: именно они, как было отмечено выше, обладают наиболее массовым и обеспеченным (и, соответственно, наиболее затратным с точки зрения глобальных корпораций) “средним классом”.

Над конкретными механизмами “окончательного решения” (если пользоваться нацистской терминологией) вопроса его утилизации, насколько можно судить по целому ряду обсуждений и контактов в мировой аналитической среде, уже бьются лучшие умы глобального господствующего класса “новых ковчежников”.

Единственная альтернатива этой людоедской перспективе – **изменение цели, а значит, и самой парадигмы развития человечества: переход массового индивида от существования ради прибыли к существованию ради совершенствования и саморазвития.**

К сожалению, этот путь представляет собой зияющую неизвестность в прямом смысле этого слова.

Дальше всех по нему прошел Советский Союз, – но его попытка, несмотря на колоссальные достигнутые успехи (ибо “новая историческая общность людей – советский народ” все же существовала, хотя и была создана “железом и кровью”), трагически провалилась.

Сегодня механизмы и даже массовые индивидуальные (не говоря уже о коллективных) мотивы движения по этому пути остаются пугающе неопределенными. Человек в массе своей по-прежнему остается хотя и общественным, но животным, причем снижение среднего морального и интеллектуального уровня в последние два десятилетия в Европе и Америке вполне заметно. Не только способы, но и мотивы обуздания звериной части природы каждого из нас при движении к столь неопределенной цели, как “личное самосовершенствование”, непонятны.

Однако эту проблему, под грузом которой надломилась и рухнула советская цивилизация, придется решать – под страхом наступления новых “темных веков” и драматического снижения численности человечества. В ходе которого и мы, и наши дети можем умереть значительно раньше отведенного нам природой срока, а наша культура может быть полностью утрачена.

Все более ясное понимание этого пугает интеллектуальную часть развитых обществ и, в том числе, интеллектуальную часть глобальных управляющих сетей Запада. Насколько можно судить по ряду косвенных признаков, в них продолжают глубоко скрытые дискуссии о выборе между сохранением привычной мотивации при превращении в людоедов или же сохранением привычной морали при превращении в столь же пугающее либеральных интеллектуалов подобие коммунистов.

При этом **все сколь-нибудь значимые глобальные сетевые структуры, включая оба основных финансовых клана, оказались разделенными примерно пополам.** Многочисленные открытые или рассчитанные на якобы нежелательную огласку призывы к выбору людоедской альтернативы, к физическому устранению “лишней” части человечества, доступные стороннему наблюдателю и производящие на него глубокое впечатление, свидетельствуют о жесткой внутренней дискуссии, ибо адресованы к внутренним оппонентам, просто невидимым извне.

Прошлый раз подобное наблюдалось во время подготовки и начала агрессии США и их сателлитов по НАТО против Югославии в 1999 году. Тогда все управляющие и значимые политические системы Запада также были расколоты на сторонников и противников этого нападения примерно поровну, что не позволило дискуссиям вырваться за их пределы и обусловило решающее влияние внешнего (сначала американского, а затем российского коллаборационистского¹) воздействия.

¹ Имеется в виду дипломатическая миссия бывшего премьера Черномырдина, которая после отставки правительства Примакова показала, что российские власти не являются непримиримыми противниками натовской агрессии и не склонны защищать от нее Югославию.

Подобное **“внесистемное” разделение – признак близящегося слома старой системы управления.** Он показывает, что выбор, делаемый в ее организационных рамках, содержательно перестает укладываться в них и требует себе нового структурного выражения (которое, впрочем, так может и не быть найдено, как показывает “постюгославский” опыт западных обществ).

Впрочем, в рассматриваемом нами случае принятие решения существенно упрощается естественной склонностью финансистов к сохранению чисто рыночной мотивации: **им значительно легче стать рыночными людоедами, чем внерыночными гуманистами** – второе будет означать для них принудительное перерождение, в то время как первое сохранит их природу, самооценку и мироощущение.

Вторым важным фактором, толкающим глобальные финансовые сети западной цивилизации к стратегической поддержке людоедства против гуманизации, представляется погружение развитой части человечества в глубокий моральный кризис, а точнее – его освобождение от пут традиционной морали, его последовательное и уверенное расчеловечивание.

Пример 1

Расчеловечивание Запада

Проявление морального кризиса современной западной цивилизации и, шире, всего человечества может наблюдать каждый из россиян, тесно соприкасающийся с экспатами¹. Как правило, одно из наиболее ярких и неожиданных впечатлений от их значительной части – **отсутствие у них внутренней, собственной морали:** они легко принимают правила игры обществ, в которые погружаются, и совершенно не стыдятся испытывать удовольствия, обычные для этих обществ, но запрещаемые их собственной моралью. Отсутствие у значительной части развитых обществ внутренней, собственной морали, которой они уверенно следовали бы без внешних институциональных подпорок, подтверждает чудовищный опыт трагедий, разыгрывающихся в районах стихийных бедствий (как, например, во время затопления Нового Орлеана в 2005 году).

Таким образом, мораль является для значительной части развитых обществ исключительно внешним, но не внутренним, институциональным, не личностным фактором стабилизации общества – и, как всякий внешний для личности фактор, она вырождается и теряет не только эффективность, но и простую адекватность.

Внутреннее освобождение личности от всякой морали, происходящее в современных развитых обществах, **делает неизбежным и ее внешнее освобождение от нее, то есть разрушение внешних институтов морали и расчеловечивание,** дегуманизацию этих обществ не только ко внешнему миру (что, в общем, уже произошло), но **и по отношению к самим себе** и к своим членам.

Вероятно, завершение процесса дегуманизации произойдет под давлением кризиса пенсионной и социальной систем развитых стран (предвестие этого красочно и вполне убедительно описал бывший спичрайтер Клинтона Кристофер Бакли в книге “День бумеранга”), который будет ставить каждого индивидуума в положение бескомпромиссного выбора между личным и коллективным благополучием² и тем самым разрушать внутреннюю солидарность соответствующих обществ.

Сетевая цивилизация

Образование неформальной глобальной управляющей сети на основе ресурсов современного Китая не просто облегчается, но и прямо диктуется самим характером китайской культуры и истории.

¹ Некоторое время постоянно живущие в России (обычно в связи с работой), но намеренные при этом вернуться домой представители развитых стран.

² Примерно так же, как это произошло в нашей стране в результате либеральных реформ начала 90-х годов; с развитыми обществами, таким образом, будет происходить примерно то же самое, что их управляющие системы сладострастно делали с нами.

С одной стороны, даже если не рассматривать опыт средневековых мореплавателей¹, “вскрытие” Китая колониальными державами в последней четверти XIX века, создав в нем колоссальные социальные проблемы, привело к массовой эмиграции китайцев, интенсивность которой вынудила, например, США ввести жесточайшие ограничения ради сохранения этнокультурного баланса американского общества (да и просто рабочих мест).

Способствовала эмиграции и длительная война с Японией, и гражданская война, тем более что обе сопровождались чудовищными массовыми зверствами (вроде нанкинской резни или блокады Чаньчуня), и итоговая победа коммунистов. При этом с началом экономических реформ эмиграция не наказывалась (как из демографических, так и, насколько можно понять, из стратегических соображений): скажем, семья студента, уехавшего учиться за границу и не вернувшегося, не подвергалась сколь-нибудь значимым репрессиям.

Понятно, что длительный **опыт жизни** не просто “в рассеянии”, но и **в тесной связи с зарубежной диаспорой** не просто существенно **облегчает формирование транснациональных хозяйственных сетей**, но и **предопределяет его**. В этом отношении китайцы весьма близки евреям и армянам, а скорее всего, значительно превосходят их (по крайней мере, исследователям неизвестны такие явления, как неформальные еврейские – или армянские – банки).

Даже само слово “эмигрант” на китайском языке означает не “отрезанный ломоть”, как на нашем, но, напротив, – “мост на Родину”. Таким образом, **эмиграция изначально воспринимается китайской культурой** (в том числе современной культурой управления) не как сборище потенциально опасных врагов, но **как зарубежное продолжение Китая**, как способ осуществления влияния далеко за его пределами.

С другой стороны, – во многом благодаря наработанной за столетия культуре эмиграции, – **китайское общество является сетевым по самой своей природе**, что в полной мере выражается афоризмом “Китай не огражден государственными границами; Китай там, где живут китайцы”.

Формирование эмигрантами из Китая собственных замкнутых сообществ, живущих по собственным законам и не допускающих внешнего вмешательства в свои дела, прямо предопределяет неформальность управляющих систем. Эта **неформальность общественных связей является одной из важнейших черт** не только эмигрантской, но и **всей китайской культуры**, в том числе культуры управления.

Китайская цивилизация накопила колоссальный исторический опыт именно неформальных взаимодействий и не собирается отказываться от него, ибо он является одной из ее ключевых особенностей, **одним из ее принципиальных конкурентных преимуществ**. Исторические описания даже формально непримиримых противоборств кишат эпизодами не только совместных действий вроде бы принципиально противостоящих друг другу сил, но и, что представляется даже более важным, – согласованных действий “по умолчанию”. В этих действиях ненавидящие друг друга и жестоко воюющие друг с другом стороны достигают общей цели без всяких даже теневых контактов, демонстрируя тем самым высочайший уровень взаимопонимания.

Сетевой и неформальный характер управления, свойственный китайской культуре, не только качественно повышает эффективность китайского государства (так как неформальные сети, включая даже преступные, сравнительно легко превращаются в проводников его политики), но и накладывает на него дополнительные, порою весьма обременительные обязанности.

Так, когда после обеспечения видимого успеха экономических реформ (на первом этапе заключавшихся, по сути дела, в привлечении денег эмигрантов в континентальный Китай) китайскому государству удалось обеспечить серьезное влияние на общины эмигрантов, ему, насколько можно понять, пришлось длительное время использовать это влияние отнюдь не для достижения каких-либо содержательных целей своей политики. Главной его задачей

¹ Китайские адмиралы Средневековья как минимум пересекали Индийский океан, достигая восточного побережья Африки. Правда, после того, как руководитель крупнейшей экспедиции не нашел там ничего, с его точки зрения, заслуживающего внимания (в полном соответствии с идеологической доктриной величия Срединной империи и ничтожества окружавших ее варваров), дальнейшие плавания были волевым образом прекращены, и китайская цивилизация замкнулась в искусственно созданной оболочке.

оказалось, насколько можно судить, миротворчество: недопущение резни между враждующими общинами выходцев из различных регионов континентального Китая, которые оказались соседями в различных фешенебельных районах США и некоторых других тихоокеанских стран.

Наличие разветвленных и в основном неформальных китайских глобальных сетей, как коммерческих, так и технологических и политических, **позволяет рассматривать нынешнее руководство Китая как глобальную финансовую управляющую сеть**, потенциально равнозначную Ротшильдам и Рокфеллерам, а может быть, и им обоим, вместе взятым. Практически полная непрозрачность, цивилизационные отличия, затрудняющие понимание ее образа действия и мотиваций, а также молодость (исключающая наличие даже исторических исследований ее особенностей) существенно повышают ее эффективность.

В то же время китайская глобальная финансовая управляющая сеть, выражаясь терминологией Гегеля, является таковой еще “в себе”, а не “для себя”: она **далеко не полностью осознает как свои возможности, так и ограничения, накладываемые на нее ее растущей мощью.**

Это вызвано невероятной скоростью ее развития и, в особенности, усиления. Возвышение Китая, его выход на авансцену глобальной политики был и остается стремительным, далеко опережающим все мыслимые планы. Не стоит забывать, как в середине 2000-х годов китайское руководство безуспешно пыталось снизить темпы экономического роста хотя бы до 8% во избежание “перегрева” экономики. В результате рост влияния Китая далеко обогнал возможности его управляющих структур даже не по использованию, а хотя бы по пониманию этого влияния.

Сегодняшнее китайское руководство напоминает актеров, которые, благодаря длительным титаническим усилиям прорвавшись на первый план, чтобы играть главные роли в пьесе, совершенно неожиданно для себя обнаружили, что пьеса-то не написана, и придумывать ее предстоит им самим, прямо по ходу стремительно разворачивающегося действия.

Китайские аналитики признают, что сознание **современной китайской управляющей системы в целом отстало от расширения сферы ее влияния и увеличения совокупной мощи последнего.** В результате она, влияя в ходе решения своих текущих задач на весь мир не осознаваемым ею образом, вызывает столь не представимые ею заранее и оказывающиеся неожиданными (а часто и болезненными) обратные воздействия.

Этот феномен “внезапной обратной связи” является одной из основных проблем современной китайской управляющей системы, оказавшейся глобальным игроком с региональным сознанием.

Специфика китайской культуры, жестко утилитарной, прагматичной и склонной воспринимать (в том числе не осознаваемо) не китайскую часть человечества как варваров, способствует упрощению трудного положения китайской элиты путем постановки китайской глобальной мощи исключительно на службу решения текущих собственно китайских проблем. Учет глобальных последствий своих действий (кроме грозящих китайским интересам непосредственно) в этом случае не производится принципиально: основной недостаток просто начинает восприниматься если и не как достоинство, то просто как одна из характерных черт, имеющих полное право на существование.

Это существенное упрощение ситуации для китайского управления уже в ближайшей перспективе угрожает превращением его в потенциально разрушительный фактор **для Китая, – а значит, и для всего мира.**

Отвлечение внимания на глобальном уровне

Болтун. Всегда молчит.

А. и Б. Стругацкие

Непубличность, скрытость – естественная специфика деятельности глобальных финансовых сетей. Тайна многократно увеличивает силу – и не только возможностью совершения внезапных действий, обладающих вследствие

внезапности большими шансами на успех, но и, что порой бывает не менее важным, провоцированием у конкурентов либо противников совершенно безосновательных страхов¹.

Между тем наше время недаром называют временем принудительной открытости: упрощение коммуникаций не только создает объективные технологические предпосылки транспарентности, но и делает ее категорическим условием эффективности в новой, современной реальности.

Таким образом, **глобализация ставит финансовые управляющие сети в противоречивое положение: привыкшие к непубличным действиям и, более того, привыкшие использовать свою скрытность в качестве одного из основных конкурентных преимуществ, они оказались в ситуации, в которой прозрачность воспринимается как абсолютная норма**, как не подлежащий обсуждению стандарт.

Выход был найден, как обычно в таких случаях, в **извращении стандарта**, – в том, что еще Ленин описывал словами “формально верно, а по сути издевательство”.

Сочетание формальной прозрачности с эффективным сокрытием содержательной информации (актуальной еще и потому, что факт существования глобальных финансовых управляющих сетей к началу глобализации стал достоянием общественного сознания) достигается целым рядом разнообразных инструментов. Почетное место среди них занимает “белый шум”: распространение колоссального объема разнородной и интересной самой по себе, но совершенно не относящейся к делу информации.

Пример 2

“Гламур” как инструмент сокрытия информации

Частным случаем “белого шума” относительно глобальных управляющих сетей является информация о светской жизни: терабайты мельчайших незначимых подробностей из мельтешения мириадов персонажей разнообразных тусовок надежно хоронят под своими завалами случайно просачивающуюся информацию о передвижениях и встречах тайных властителей нового мира.

Забавно, что официальные лица, возможности которых существенно сужены по сравнению с представлениями о них основной массы граждан, подражают представителям глобальных управляющих систем в этом отвлечении общественного внимания на мелочи. Можно предположить, что причиной этого является не только политика информационной безопасности, но и элементарное чванство: стремление подражать заведомо более влиятельным людям, неизвестным широкой общественности, но хорошо известным им самим.

Помимо “белого шума”, важным проявлением извращенной прозрачности является **фиктивная демократичность – возведение формальных демократических институтов в абсолют, полностью извращающий их существо** и надежно отграничивающий основную массу граждан даже развитых стран от реального принятия наиболее значимых для их будущего решений.

Когда Джавахарлал Неру в конце 50-х и начале 60-х годов прошлого века провозглашал, что “Индией управляют управляемые”, он, скорее всего, сам верил в это или, по крайней мере, искренне стремился к этой цели.

Однако в настоящее время в большинстве случаев **публичность и демократизм** не более чем **эксплуатируют** хорошо известные психологам “технологии вовлечения”. **Они создают у управляемых иллюзию участия в принятии** и даже самостоятельной выработке **решений – и тем самым возлагают на них** (причем в их собственных глазах!) **ответственность за последствия** реализации этих решений. По сути дела это всего лишь способ обеспечить согласие угнетаемых с угнетением, эксплуатируемых – с эксплуатацией, а в перспективе – и согласие утилизируемых со своей незавидной судьбой.

¹ Нелишне вспомнить в этой связи, что, например, антисемитизм основан на подспудном комплексе неполноценности перед евреями, на приписывании им сверхъестественных возможностей.

Именно поэтому демократия не как содержательное явление (**общественное устройство, позволяющее максимально полно учитывать существующие в обществе мнения и интересы**), но именно как заведомо формальный набор институтов стала подлинным фетишем развитых обществ.

Наиболее полным выражением, подлинным апофеозом извращения прозрачности к настоящему времени представляется “политическая игротехника” Обамы. Целый народ — причем народ наиболее развитой в мире страны — был вовлечен, по сути дела, в игру, в которой люди действовали, даже не пытаясь осознавать ответственности за свои действия. В результате президентом США стал человек, о котором всем известно практически все, — кроме главного: чьи интересы и каким именно образом он будет выражать. Да, возможно, это не было известно даже ему самому (людей, играющих предназначенные им роли, далеко не всегда извещают о предстоящих им судьбах), — однако глобальные управляющие сети (и не только крупнейшие, которые названы выше) возлагали на него определенные надежды и строили связанные с ним определенные планы. Эти надежды и планы и есть его стратегия — пусть даже и вынужденная, — и люди, открыто и публично избравшие этого самого открытого и публичного из всех политиков США (если не всего мира), не знают о них практически ничего!

Таким образом, **формальная публичность стала к настоящему времени эффективным инструментом сокрытия намерений и манипулирования обществами**, применяемым в первую очередь глобальными управляющими сетями (просто потому, что их положение наиболее соответствует требованиям применения этого инструмента).

А это значит, что, к сожалению, **формальная демократия**, основанная на стандартном наборе демократических институтов, **не способна ограничить** скрытое влияние и, более того, **разрушительный произвол глобальных управляющих сетей. Она ведь сама является** не только средством реализации ими своих интересов (при помощи извращения публичности), но и, более того, **средой существования этих сетей.**

Их сдерживание объективно требует ограничения стандартных демократических институтов, **отступления от формальной демократии ради восстановления демократии содержательной** (неуклонные попытки чего, собственно говоря, и наблюдаются в США после 11 сентября 2001 года).

Опорой в сдерживании глобальных управляющих сетей должны стать все те национально и культурно обособленные силы, которые в силу самого своего существования воспринимаются представителями этих сетей, “глобальными кочевниками”, как непримиримые враги, подлежащие уничтожению.

Это **фундаментальное противоречие глобализации является объективной предпосылкой для восстановления национального единства**, ибо противоречия между интересами народов и глобальных сетей или, выражаясь классовым языком, между глобальным управляющим классом и отдельными обществами, низведенными до положения объектов эксплуатации этим классом, неизмеримо глубже и острее, чем классовые противоречия внутри обществ.

Основной проблемой каждого общества оказывается способность выявить внутри себя “пятую колонну” представителей глобального управляющего класса и освободиться от ее влияния возможно более гуманным по отношению к ним способом (хотя главным критерием успеха и, более того, продолжения существования обществ и народов будет именно лишение этих людей всякого влияния).

Исчерпание возможностей дальнейшей интеграции и неминуемый, хотя и частичный, откат к протекционизму создает объективные экономические предпосылки (необходимые, но и в коем случае не достаточные!) для успеха нового витка “национально-освободительной войны” в этом современном, глобализированном виде.